

Ѳ. А. Кудринскій.

Отечественная война

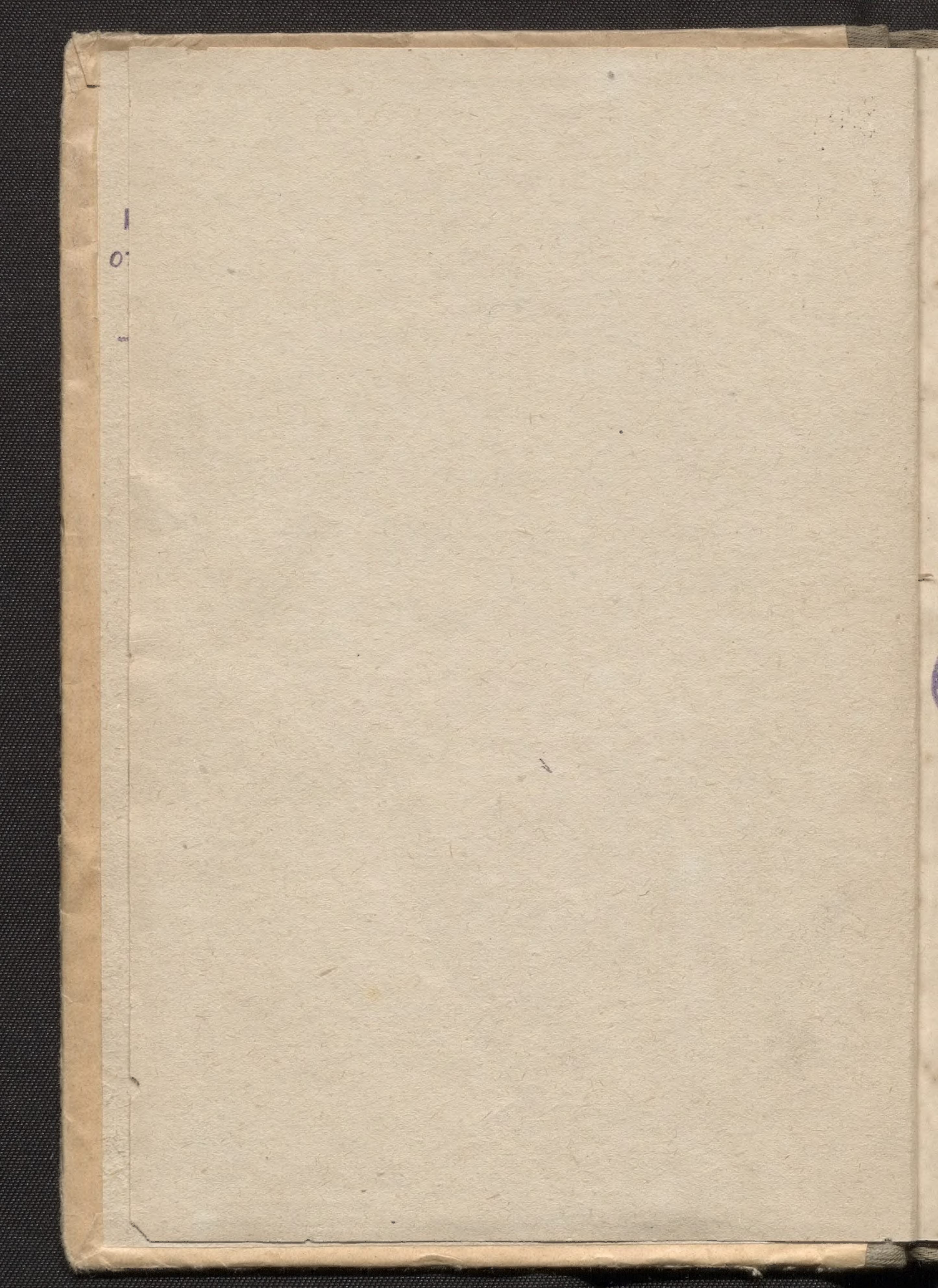
1812 года

(съ 10 рисунками въ текстѣ).

ВИЛЬНА.
Изданіе Русской Книжной Торговли А. Г. СЫРКИНА.

1912

Ѳ. А. Кудринскій.

Отечественная война 1812 года

(съ 10 рисунками въ текстѣ).

ВИЛЬНА.
Складъ изданія въ Русской Книжной Торговлѣ А. Г. СЫРКИНА.

1912

Вильна, Типографія **А. Г. Сыркина**, Большая ул., соб. домъ.

I.

Причины Отечественной войны.

Личныя качества Наполеона, какъ полководца, и благопріятно сложившіяся для него политическія обстоятельства содѣйствовали его возвышенію во Франціи. Постепенно подымаясь по степенямъ военной службы, начиная съ самыхъ низшихъ, Наполеонъ сдѣлался первымъ консуломъ Франціи, а затѣмъ провозгласилъ себя (1804 г.) императоромъ. Рядомъ побѣдъ и завоеваній онъ стремился утвердить свою династію во Франціи.

Обладая безспорно геніальными военными способностями, Наполеонъ былъ непомѣрно честолюбивъ. Онъ мечталъ возстановить въ Европѣ единство власти наподобіе—древняго Рима. Подражая римскому императору, Наполеонъ безцеремонно смѣщалъ съ престоловъ монарховъ, раздавалъ королевства своимъ братьямъ, родственникамъ, маршаламъ и вездѣ вводилъ французское военное господство. Огромную часть Италіи онъ присоединилъ къ Франціи съ титуломъ королевства. Австрія была низведена Наполеономъ на степень второстепенной державы. Политическое значеніе Пруссіи почти совершенно было уничтожено. Ловкими переговорами онъ заставилъ Россію отказаться отъ заступничества за иностранныя княжества. Возникли подчиненныя Франціи королевства: Италіанское, Неаполитанское, Голландское, Вестфальское. На престолы этихъ королевствъ

Наполеонъ властно возводилъ своихъ братьевъ. Римскимъ королемъ былъ провозглашенъ сынъ Наполеона.

Во всей Европѣ оставалось только два могущественныхъ монарха: Наполеонъ I и Александръ I. Въ 1807 г., въ Тильзитѣ Наполеонъ устроилъ свиданіе съ русскимъ императоромъ и прельстилъ его проектомъ раздѣла всей Европы на двѣ части: западную — наполеоновскую и восточную — русскую. „Вселенная подобна яблоку, которое я держу въ рукахъ, говорилъ Наполеонъ Александру (разговоръ шелъ въ концѣ обѣда). Мы можемъ разрѣзать его на двѣ части,—и каждый изъ насъ можетъ взять себѣ половину“.

По соглашенію въ Тильзитѣ, изъ польскихъ областей, принадлежащихъ Пруссіи, образовано было герцогство Варшавское, отданное королю саксонскому. Бѣлостокская область присоединена къ Россіи. Императоръ Александръ призналъ братьевъ Наполеона королями неаполитанскимъ, голландскимъ и вестфальскимъ, уступилъ Наполеону Іоническіе острова и призналъ другія его распоряженія. Императоры сблизились при личномъ свиданіи и обязывались помогать другъ другу въ войнахъ. Казалось, ничто не предвѣщало разрыва. Недоразумѣнія вышли изъ-за Англіи.

Было государство, которое не подчинилось Наполеону и съ которымъ онъ не могъ войти ни въ какое соглашеніе. Это — Англія, обладавшая богатыми колоніями, среди которыхъ Индія занимала главное мѣсто.

Императоръ Александръ I.

Англія обладала безспорнымъ преимуществомъ передъ Россіей и Франціей. Она располагала свободной денежной наличностью, между тѣмъ Александръ и Наполеонъ, ведя войны съ разными государствами, испытывали большую нужду въ деньгахъ. Для того, чтобы обогатить свою страну, они прибѣгали къ мѣрамъ, которыя шли въ разрѣзъ взаимно принятымъ обязательствамъ. Изъ за денегъ люди большею частью ссорятся. Экономическіе интересы разсорили двухъ властныхъ монарховъ и послужили общей причиной безпримѣрной въ военной исторіи войны—1812 г.

Сначала французы думали сломить могущество Англіи морской побѣдой надъ ней. Но битва при Трафальгарѣ (1805 г.) была неудачна для французовъ. Наполеонъ не могъ соперничать съ Англіей на морѣ. Англичане попрежнему оставались полными хозяевами европейскихъ морей. Тогда Наполеонъ задумалъ грандіозный планъ бойкотированія Англіи путемъ прекращенія торговыхъ сношеній съ ней всѣхъ европейскихъ государствъ. Съ этой цѣлью онъ ввелъ такъ называемую континентальную систему, или блокаду. Смыслъ этой системы заключался въ томъ, что для англійскихъ кораблей и транспортовъ совершенно закрывался доступъ къ материку. Всѣ англійскіе товары должны были сжигаться въ европейскихъ портахъ. Англичане, жившіе торговыми сношеніями съ Европой и получавшіе изъ нея хлѣбъ, должны были, по предположенію Наполеона, погибнуть съ голоду, „свариться въ своемъ собственномъ соку“. Эта континентальная блокада

была возвѣщена въ 1806 г. берлинскимъ трактатомъ. Россія послѣ Тильзитскаго мира обязана была принять этотъ трактатъ.

Континентальная система, конечно, вредила не одной только Англіи, но и европейскимъ государствамъ. Европейскіе рынки, дававшіе много товаровъ Англіи, должны были сократить свои операціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ товаровъ изготовлено было очень много, а покупателей не было. На фабрикахъ чувствовалось перепроизводство. Количество рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ значительно сократилось. Въ Россіи вывозъ русскихъ сырыхъ произведеній значительно сократился, вексельный курсъ и цѣнность ассигнацій пали. Такимъ образомъ, экономическіе интересы Россіи сильно страдали изъ-за честолюбивыхъ плановъ Наполеона.

Но хуже всего, конечно, было положеніе Англіи, гдѣ банкротство слѣдовало за банкротствомъ. Крупныя торговыя предпріятія въ Лондонѣ падали, о чемъ французскіе агенты съ радостью сообщали Наполеону.

Тяжелыя экономическія обстоятельства заставили англичанъ искать контрабандныхъ торговыхъ сношеній съ сѣверными русскими портами черезъ Балтійское и Бѣлое море. Англійскіе товары приходили сюда подъ видомъ американскихъ. Въ сѣверныхъ русскихъ портахъ закипѣло необычное торговое оживленіе, очень выгодное, конечно, для Россіи и непріятное Наполеону.

Несмотря на тильзитское искусственное соглашеніе, Россія не желала подчиниться континентальной системѣ, какъ умалявшей ея торговое значеніе.

Она не могла быть въ этомъ вопросѣ даже нейтральной. Съ нейтралитетомъ Россіи прекращалась въ сущности континентальная система, такъ какъ чрезъ русскія владѣнія англійская контрабанда свободно могла бы проникнуть въ Германію. Такимъ образомъ, Наполеону въ концѣ концовъ предстояло или сохранить миръ съ Россіей и отказаться отъ континентальной системы, то есть капитулировать передъ Англіей, признать свое безсиліе и тѣмъ умалить свое могущество, или же объявить Россіи войну.

При такихъ обстоятельствахъ Наполеонъ предъявилъ Александру I два требованія: во-первыхъ, въ Россію не должны ни подъ какимъ видомъ впускаться англичане, „за кого бы они себя ни выдавали"; всякій торговый транспортъ, подъ какимъ бы флагомъ онъ ни прибылъ въ русскій портъ, долженъ былъ обязательно уничтожаться. Второе требованіе заключалось въ томъ, что Россія должна была ввести у себя новый французскій тарифъ (такъ называемый тріанонскій), который Наполеонъ установилъ, конечно, въ экономическихъ интересахъ своей страны.

Императоръ Александръ I рѣшительно воспротивился обоимъ требованіямъ. Онъ заявилъ, что таможенные тарифы вытекаютъ изъ внутренней торговой жизни государства, въ которую никакое другое государство не должно вмѣшиваться, и что тріанонскій тарифъ, благопріятствовавшій тѣмъ государствамъ, у которыхъ развилась крупная промышленность, совершенно не выгоденъ для земледѣльческой Россіи. Принять этотъ тарифъ, по словамъ Але-

ксандра I, значило бы обнаружить „слишкомъ мало заботъ о благосостояніи своихъ подданныхъ“. Англичане не только продолжали торговлю съ Россіей, но, по распоряженію императора, безпрепятственно выгружали свои товары. Въ противовѣсъ тріанонскому тарифу, Александръ I издалъ въ мѣсяцѣ декабрѣ 1810 г. русскій тарифъ, который былъ скрытымъ объявленіемъ таможенной войны Франціи. Согласно этому тарифу, нѣкоторыя издѣлія французскихъ фабрикъ были запрещены, а другія обложены высокой пошлиной, имѣвшей цѣлью ограничить вывозъ во Францію звонкой монеты и предметовъ роскоши.

Россія иначе не могла поступить. Если даже предположить, что на самомъ дѣлѣ могъ бы совершиться раздѣлъ міроваго владычества, которымъ грезилъ Наполеонъ, то Россія, какъ менѣе культурная страна, все таки должна была бы такъ или иначе подчиниться Франціи и руководствоваться въ своей внѣшней политикѣ указаніями Наполеона. А это, конечно, не нравилось императору Александру, предвидѣвшему властолюбивые планы Наполеона.

—„Сначала онъ (т. е. Наполеонъ) удовольствуется одной половиной яблока,—говорилъ русскій императоръ,—а тамъ придетъ охота взять и другую“...

Опасаясь русскаго императора, какъ единственнаго соперника, Наполеонъ не сразу рѣшился на войну съ Россіей, тѣмъ болѣе, что въ это время Франція вела войну съ Испаніей, принявшую партизанскій характеръ. Когда грозный призракъ войны съ Россіей мелькнулъ въ переговорахъ по поводу тарифовъ и континентальной системы, Наполеонъ

склоненъ былъ пойти какъ будто на уступки и пожелалъ даже породниться съ русскимъ дворомъ. Въ 1808 г. Наполеонъ сватается къ сестрѣ императора Екатеринѣ Павловнѣ, а въ 1810 г. къ Аннѣ Павловнѣ, но—оба раза неудачно. Второе его предложеніе было отклонено подъ предлогомъ молодости невѣсты. Этотъ бракъ не входилъ въ политическіе расчеты Александра. Вступивъ въ родство съ французскимъ императоромъ, онъ боялся лишить себя свободы дѣйствій...

Наполеонъ женился на дочери австрійскаго императора эрцгерцогинѣ Маріи-Людвикѣ и сталъ рѣзче относиться къ русскому императору. Политика его принимаетъ все болѣе и болѣе произвольный характеръ.

Въ іюлѣ 1810 г. Наполеонъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Голландію, ссылаясь на то, что эта страна, какъ образовавшаяся на взморьѣ, орошаемомъ рѣками Франціи, является лишь „наносомъ“ рѣкъ французской имперіи. Затѣмъ къ французскимъ владѣніямъ былъ присоединенъ Валлисъ. Въ концѣ 1810 г. Наполеонъ распространилъ свою власть на всю береговую полосу Германіи. „Еще три года,— и я буду владыкой вселенной“, говорилъ Наполеонъ.

Усиленіе французскаго вліянія на берегахъ Балтійскаго моря тоже шло вразрѣзъ съ задачами русской политики, основанной на завѣтахъ Петра Великаго— укрѣпленія на этомъ морѣ.

Выдвинувшіеся затѣмъ новые два вопроса— польскій и ольденбургскій были предметомъ особенно острыхъ переговоровъ между петербургскимъ и па-

рижскимъ кабинетами. Хотя Наполеонъ старался не придавать этимъ вопросамъ особенно важнаго зна-

Императоръ Наполеонъ I. [illegible]

ченія въ своей общей политикѣ и пытался подвести ихъ подъ общую программу тильзитскаго соглашенія,

но императоръ Александръ взглянулъ на нихъ совершенно самостоятельно, независимо отъ политическаго соглашенія въ Тильзитѣ.

Первый—ольденбургскій вопросъ заключался въ томъ, что владѣнія герцога ольденбургскаго были совершенно произвольно присоединены Наполеономъ къ числу французскихъ департаментовъ. Герцогъ ольденбургскій приходился шуриномъ Александру I. Оскорбленіе члена императорской фамиліи было равносильно окончательному разрыву между русскимъ и французскимъ императорами. Объясненіе, которое далъ Наполеонъ, по поводу захвата французами земель герцогства Ольденбургскаго, не удовлетворило русскаго императора. Наполеонъ оправдывался тѣмъ, что будто бы этотъ захватъ былъ необходимъ для огражденія морского побережья отъ контрабанды. Если бы это дѣйствительно было такъ, то онъ могъ бы довольствоваться въ крайнемъ случаѣ лишь ольденбургскими таможнями. Зачѣмъ было смѣщать съ престола ни въ чемъ неповиннаго ольденбургскаго герцога, по отношенію къ которому нѣсколько раньше тотъ же Наполеонъ былъ очень вѣжливъ и своимъ дипломатамъ даже совѣтовалъ не задѣвать интересовъ ольденбургскаго двора? Императоръ Александръ глубоко почувствовалъ нанесенную ему обиду. „Въ томъ, что произошло,—писалъ онъ герцогу ольденбургскому 1-го января 1811 г.,—я долженъ былъ ясно увидѣть желаніе оскорбить Россію“.

Несогласія изъ за Польши окончательно испортили отношенія императоровъ. Польша для Наполеона не была предметомъ симпатій, какъ любятъ выста-

влять это поляки, а орудіемъ политики. Извѣстенъ отвѣтъ, переданный Румянцеву изъ устъ Наполеона: „его величество согласенъ на то, чтобы слова „Польша“ и „поляки“ не только исчезли изъ всѣхъ политическихъ договоровъ, но даже и изъ исторіи“. Императоръ, произнесшій эти слова, не могъ питать симпатіи къ полякамъ.

Александръ I черезъ своихъ дипломатовъ получилъ отъ Наполеона обѣщаніе, что Польша „никогда не будетъ возстановлена“. Добиваясь отъ Наполеона такого обязательства, русскій императоръ не думалъ, впрочемъ, уничтожить Польшу. Онъ мечталъ возстановить ее своими силами. Извѣстно, что въ числѣ его министровъ былъ крупный литовскій магнатъ Адамъ Чарторыйскій, — министръ иностранныхъ дѣлъ. Императоръ имѣлъ съ нимъ разговоръ (5 апрѣля 1810 г.), во время котораго окончательно былъ выясненъ планъ возстановленія герцогства Варшавскаго и затѣмъ присоединенія къ этому герцогству восьми русскихъ губерній, считавшихся польскими.

По шенбрунскому договору, завершившему войну Франціи съ Австріей, Наполеонъ присоединилъ часть Галиціи съ полтора милліонами жителей къ Варшавскому герцогству. Россія же получила небольшой Тарнопольскій округъ съ 300—400 тысячами населенія. Въ такой наполеоновской политикѣ Александръ усмотрѣлъ явныя попытки возстановленія Польши.

Въ 1811 году Наполеонъ уже открыто показывалъ враждебныя намѣренія относительно Россіи: подымалъ на нее Швецію, принималъ польскихъ выходцевъ и собиралъ противъ нея войска.

Такимъ образомъ, все было сдѣлано для окончательнаго разрыва. Будучи недоволенъ своимъ посломъ въ Петербургѣ—Коленкуромъ, Наполеонъ замѣнилъ его другимъ. Прощаясь съ французскимъ посломъ (1811 г.), Александръ сказалъ ему, что „онъ не сдѣлаетъ перваго выстрѣла и не перейдетъ Нѣманъ, но что русскій народъ, въ случаѣ нападенія, сумѣетъ постоять за себя".

Итакъ, 1) разница экономическихъ интересовъ Россіи и Франціи, повлекшая за собой непризнаніе Россіей континентальной системы, введенной Наполеономъ, 2) тарифныя несогласія и 3) совершенно произвольный образъ дѣйствій Наполеона въ Европѣ, вообще, и въ Польшѣ и въ герцогствѣ Ольденбургскомъ, въ частности,—вотъ главныя причины Отечественной войны 1812 года.

Если бы условія войны въ Россіи были похожи на западно-европейскія, то не могло быть никакого сомнѣнія въ побѣдѣ Наполеона, солдаты котораго, испытанные въ бояхъ, дѣйствительно представляли въ то время лучшее войско. Но Наполеонъ упустилъ изъ виду не только географическія и климатическія условія Россіи, но, самое главное, —особенности русскаго народа, его сословный, религіозный и государственный бытъ, ставившіе такія неожиданныя препятствія, сломить которыя не могла никакая военная сила.

II.

Отъ Нѣмана до Вильны.

Передъ походомъ въ Россію могущество Наполеона дошло до высшей степени. Онъ былъ владѣтелемъ 130 французскихъ департаментовъ, сюзереномъ семи вассальныхъ королевствъ (Италіи, Неаполя, Испаніи, Вестфаліи, Баваріи, Саксоніи и Виртемберга) и тридцати государей. Политическое могущество Наполеона вызывало удивленіе Европы, а мѣстами и ужасъ. Все склонялось передъ Бонапартомъ, „властелиномъ судебъ Европы". Лейпцигскій университетъ назвалъ три звѣзды, входящія въ поясъ Оріона, созвѣздіемъ Наполеона. Дворъ Наполеона поражалъ богатствомъ и великолѣпіемъ. Нѣмцы были изумлены, когда въ ихъ страну въѣхалъ (4 мая 1812 г., въ Дрезденѣ) дворъ французскаго императора, породнившагося съ австрійскимъ императоромъ. Никто, конечно, тогда не думалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ императоръ и его дворъ предстанутъ въ иномъ видѣ.

Но насколько великолѣпенъ былъ личный дворъ императора, настолько тяжело было состояніе его имперіи. Все было принесено въ жертву войнѣ. По всей Франціи двигались отряды жандармовъ, разыскивавшихъ бѣглыхъ рекрутовъ. Полицейскіе нерѣдко вели будущихъ солдатъ великой арміи въ цѣпяхъ. Промышленность страны упала. Толпы безработныхъ бродили по всей Франціи. Мастерскія были пусты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распространялись прокламаціи, призывавшія народъ къ воз-

станію. Наполеонъ не могъ не понимать безумія новой грандіозной войны при столь тяжеломъ положеніи государства.

— „Мнѣ оказалъ бы большую услугу тотъ, кто избавилъ бы меня отъ этой войны“, — говорилъ Наполеонъ. „Но что же дѣлать—она пришла, пора съ ней развязаться“.

Несмотря на всѣ трудности военнаго похода въ Россію, Наполеонъ не терялъ надежды счастливо кончить и эту войну. Побѣда надъ Россіей заглушила бы недовольство французовъ и порабощенныхъ нѣмцевъ, заставила бы забыть французовъ о неудачахъ и шероховатостяхъ партизанской войны въ Испаніи—и еще болѣе укрѣпила бы его положеніе.

Число всѣхъ наполеоновскихъ войскъ, расположенныхъ вдоль береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, по свѣдѣніямъ французскаго генеральнаго штаба, доходило до 610 тысячъ строевыхъ и около 2000 нестроевыхъ. Въ арміи насчитывалось 187,111 лошадей и 1,372 орудія, въ числѣ которыхъ было 140 осадныхъ, предназначавшихся спеціально для дѣйствія противъ Риги. Конечно, не вся эта армія участвовала въ походѣ противъ Россіи. Въ дѣйствительности „большая армія“, съ которой Наполеонъ шелъ въ Россію, заключала въ себѣ силу въ 398,000 человѣкъ. Если исключить изъ этого числа 30,000 чел., оставленныхъ временно въ Варшавѣ, то Наполеонъ вошелъ въ предѣлы Россіи съ 368,000 чел. Въ томъ числѣ было 60,000 кавалеріи. Лучшими корпусами въ административномъ и тактическомъ отношеніяхъ были первый

корпусъ — маршала Даву и второй — маршала Удино. Здѣсь находились отборные солдаты, испытанные въ бояхъ и состоявшіе подъ начальствомъ самыхъ опытныхъ генераловъ.

Въ составъ великой арміи Наполеона, двинувшейся въ Россію, входили войска всѣхъ государствъ, за исключеніемъ испанцевъ и шведовъ. Войска вынуждены были везти съ собой все необходимое.— „Намъ придется дѣйствовать въ скудной странѣ, говорилъ Наполеонъ, которую, по всей вѣроятности, непріятель опустошить, и мы должны быть готовы во всемъ обходиться собственными средствами“. Въ каждой ротѣ находились портные, сапожники, каменщики, хлѣбопеки, оружейники, словомъ, всякіе рабочіе. За войсками слѣдовалъ провіантъ, въ видѣ стадъ воловъ, везшихъ фуры. Когда фуры доставлялись на мѣсто, воловъ убивали на пищу. Въ числѣ провіанта французскія войска везли съ собой 28 милліоновъ бутылокъ вина и 2 милліона бутылокъ водки. На Вислѣ были устроены огромные запасные магазины съ такимъ расчетомъ, чтобы 400,000 человѣкъ войскъ могли здѣсь прокормиться цѣлый годъ. Кампанію Наполеонъ предполагалъ провести въ лѣтнюю пору, во время сбора жатвы, разсчитывая имѣть на мѣстѣ хлѣбъ въ зернѣ и фуражъ для лошадей.

Россія могла выставить противъ Наполеона войско въ 200,000 человѣкъ. Въ дисциплинарномъ и тактическомъ отношеніяхъ русская армія тоже значительно уступала французской. Надежды на поддержку поляковъ, къ которымъ особенно благоволилъ

императоръ Александръ, рушились. Они перешли на сторону Наполеона. Въ главномъ штабѣ нашей арміи царствовалъ большой хаосъ. „Въ то время, когда Наполеонъ готовился вторгнуться въ Россію, никто у насъ не могъ въ точности опредѣлить— ни образа дѣйствій нашихъ армій, ни направленія, по которому слѣдовало двигаться въ случаѣ отступленія, ни конечнаго пункта, къ коему довелось намъ отступать“ (Богдановичъ).

Ко всему этому положеніе арміи было растянуто, а въ нѣкоторыхъ частяхъ даже опасно, особенно въ виду превосходныхъ силъ непріятеля. Русское войско, по первоначальному военному плану, дѣлилось на двѣ арміи. Первая находилась въ Виленской губерніи (120,000 чел.), вторая—въ Гродненской (37,000 чел.). Первой арміей командовалъ военный министръ Барклай-де-Толли. Это былъ опытный и свѣдущій въ военномъ дѣлѣ генералъ. Какъ министръ, онъ предполагалъ сдѣлать серьезныя преобразованія въ арміи, искоренить недостатки и злоупотребленія. Но его реформаторскія стремленія вызвали сильное неудовольствіе графа Аракчеева, который при каждомъ удобномъ случаѣ старался ему вредить. Недостаткомъ характера Барклая была недовѣрчивость. Онъ самъ часто дѣлалъ то, что могъ бы поручить своимъ подчиненнымъ. Вслѣдствіе этого ходъ дѣлъ по управленію войсками затруднялся. Къ тому же это былъ черствый и сухой человѣкъ. Онъ не умѣлъ говорить съ русскими людьми. Народъ и войско считали его иностранцемъ, что, конечно, много вредило военной кампаніи.

Главнокомандующимъ второй арміи былъ Багратіонъ, любимецъ Суворова и войска. Онъ вступалъ первымъ въ бой и выходилъ изъ него послѣднимъ. Багратіонъ умѣлъ воодушевлять русскія войска и разговаривать съ ними, но по образованію и административнымъ способностямъ уступалъ Барклаю.

Кромѣ этихъ двухъ армій, на границѣ съ Австріей стояла еще наша третья армія, подъ начальствомъ генерала Тормасова (46,000 челов.).

10 іюня Наполеонъ торжественно объявилъ своимъ войскамъ, что „Россія увлекается рокомъ и не избѣгнетъ своей судьбы. Впередъ! Пройдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи!“.

Передъ Наполеономъ было два главныхъ военныхъ пути въ Россію: сѣверный —на Ковну и южный— на Гродну. Такъ какъ на гродненскомъ пути лежали пинскія болота, то Наполенъ принялъ направленіе на Ковну. Сюда направилось главное ядро непріятельской арміи. 12-го іюня, на берегахъ рѣки Нѣмана, противъ Ковны, французской арміи было прочитано новое воззваніе Наполеона къ войскамъ. Менѣе чѣмъ въ два часа черезъ рѣку были наведены генераломъ Эбле три моста на разстояніи ста саженъ одинъ отъ другого. Въ слѣдующіе за тѣмъ три дня по этимъ мостамъ прошли главные корпуса Даву, кавалерія Мюрата, императорская гвардія, корпусъ Удино и Нея. Наполеонъ гарцовалъ на берегу рѣки Нѣмана, одѣтый въ мундиръ польскихъ уланъ и любовался переправой войскъ. Онъ вступилъ въ предѣлы Россіи безъ предварительнаго объявленія войны.

Холодная дождливая погода и недостатокъ фуража, сказавшійся уже въ самомъ началѣ движенія французской арміи по русской территоріи, были причиной того, что армія, по дорогѣ къ Вильнѣ, потеряла нѣсколько тысячъ упряжныхъ и орудійныхъ лошадей. „Лошади по дорогѣ падали сотнями“—писалъ принцъ Евгеній въ своихъ запискахъ.

Значительныя, хотя и второстепенныя части наполеоновской арміи вторглись въ Россію другими путями. Корпусъ Макдональда перешелъ Нѣманъ при Тильзитѣ и двинулся черезъ Россіены къ Шавлямъ. Корпуса короля вестфальскаго перешли Нѣманъ у Гродны. Наконецъ, князь Шварценбергъ съ австрійцами, саксонцами и поляками перешелъ границу въ Дрогочинѣ и переправился черезъ Бугъ.

Ожидали, что непріятель устремится на Вильну, по направленію къ которой и сосредоточены были наши главныя силы. Въ Вильну пріѣхалъ императоръ для непосредственнаго знакомства съ русской арміей. По дорогѣ въ Вильну императоръ писалъ отъ 6 іюля Барклаю-де-Толли: „Я обогналъ много бродягъ, оставшихся отъ войскъ на цѣлый переходъ въ самомъ отвратительномъ видѣ“. Императору доносили о разбояхъ, грабежахъ и мародерствѣ. Онъ предписалъ главнокомандующему прекратить эти безпорядки. Но Барклай-де-Толли сомнѣвался въ возможности принятія какихъ-либо мѣръ, такъ какъ невозможно было услѣдить за каждымъ пунктомъ состоянія арміи.

Во время пребыванія Александра въ Вильнѣ, пріѣхалъ адъютантъ адмирала Чичагова, командовавшаго молдавской арміей, дѣйствовавшей противъ

турокъ. Онъ привезъ радостное извѣстіе о заключеніи мира съ турками. Это обстоятельство было важно для русскихъ, такъ какъ предоставляло въ распоряженіе Александра боевую армію въ 40,000 человѣкъ.

Въ день переправы непріятеля черезъ Нѣманъ, императоръ Александръ находился на празднествѣ въ Вильнѣ. Русскіе офицеры устроили высшему виленскому обществу балъ. Во время бала Александръ получилъ формальное донесеніе о вступленіи французовъ на русскую территорію.

14-го іюня государь велѣлъ императорской квартирѣ выѣхать въ Свенцяны. Правительственныя власти, по его же распоряженію, должны были оставить Вильну и удалиться во внутреннія русскія губерніи, захвативъ съ собой наиболѣе важныя бумаги. То же приказано было сдѣлать и другимъ губернаторамъ сѣверо-западнаго края, при приближеніи непріятеля. Запасные магазины и провіанты сжигались, что ставило французскую армію въ затруднительное положеніе. Передъ отъѣздомъ изъ Вильны императоръ обратился къ своему войску съ воззваніемъ, въ которомъ говорилось: „Не нужно напоминать мнѣ вождямъ, полководцамъ и воинамъ объ ихъ долгѣ и храбрости! Воины! Вы защищаете вѣру, отечество и свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!“ (Это—буквальныя слова Петра Великаго передъ Полтавской битвой).

Въ рескриптѣ императора, отправленномъ въ Петербургъ, графу Салтыкову, предсѣдателю Государственнаго Совѣта, заключались слѣдующія слова: „Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на

брань. Я не положу оружія, доколѣ непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ". Уѣзжая изъ Вильны, императоръ послалъ къ Наполеону для мирныхъ переговоровъ Балашева, чтобы выиграть время. Нѣсколькими днями раньше съ этою же цѣлью Наполеонъ прислалъ въ Вильну къ императору Александру Нарбона.

Переходъ между Ковной и Вильной былъ сдѣланъ арміей Наполеона въ страшную жару. Наполеонъ вступилъ въ Вильну 15-го іюня. Солдаты его арміи грабили жителей виленскаго предмѣстья, что въ значительной степени разочаровало поляковъ. Къ своему удивленію, Наполеонъ не нашелъ здѣсь того энтузіазма, съ которымъ встрѣтила его коренная Польша.

— „Эти поляки совсѣмъ не похожи на познанскихъ...", сказалъ онъ.

Ему однако удалось устроить собраніе шляхты, одобрившей рѣшеніе варшавскаго сейма о возстановленіи Польши. День въѣзда въ Вильну былъ провозглашенъ поляками днемъ освобожденія Гедиминовой земли.

Наполеонъ далъ Литвѣ особое устройство, раздѣливъ ее на четыре губерніи: Виленскую, Гродненскую, Минскую и Бѣлостокскую.

Вслѣдствіе недостатка провіанта и плохой организаціи интендантства, поставленнаго въ затрудненіе кормить армію, двигавшуюся на большихъ разстояніяхъ, солдаты, пріученные и безъ того жить на счетъ завоевываемой страны, занимались маро-

дерствомъ. Большинство мародеровъ превратилось въ дезертировъ. Ряды полковъ замѣтно рѣдѣли. Съ цѣлью прекращенія мародерства и разбоя отсталыхъ солдатъ французской арміи, Наполеономъ въ Вильнѣ были учреждены — судебная комиссія и особыя маршевыя колонны. Другая комиссія, подъ названіемъ верховнаго временнаго правительства великаго княжества литовскаго, занималась управленіемъ занятыхъ французами губерній и сформированіемъ новыхъ отрядовъ войскъ.

Шляхта, литовскіе дворяне несли пожертвованія на возрожденіе своей независимости и охотно вступали въ ряды волонтерскихъ полковъ. Варшавскій сеймъ отправилъ къ Наполеону депутацію для представленія на его утвержденіе акта общей польской и литовской конфедераціи. Наполеонъ любезно принялъ депутатовъ и обѣщалъ имъ возстановить Польшу въ ея прежнихъ размѣрахъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Галиціи, которую онъ отдалъ своему тестю. Послѣднее обстоятельство нѣсколько охладило восторгъ поляковъ...

Всѣ эти дѣйствія глубоко возмущали Александра. Готовясь къ упорной и продолжительной оборонѣ, онъ заявлялъ, что будетъ сопротивляться, „хотя бы пришлось протянуть войну на многіе годы и сражаться на берегахъ Волги“...

III.

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Назначеніе первой арміи состояло въ томъ, что она должна была преграждать непріятелю движеніе въ Петербургъ. Занятіе Петербурга казалось тогда возможнымъ. Поэтому заблаговременно были приняты всѣ мѣры къ вывозу изъ столицы присутственныхъ мѣстъ: архивовъ, учебныхъ заведеній, банковъ и пр. Предполагалось даже увезти конную статую Петра Великаго въ Казань, куда намѣревалась переселиться и императорская фамилія.

Однако нападеніе на Петербургъ не входило въ прямые планы Наполеона. Походъ вдоль береговъ Балтійскаго моря открылъ бы его лѣвый флангъ для нападенія англичанъ и шведовъ съ моря. Къ тому же пріобрѣтеніе Петербурга,—исключительно административнаго центра Россіи,—въ сущности не рѣшало еще исхода кампаніи. Чтобы нанести окончательный ударъ Россіи нужно было поразить центръ государства и захватить центральный узелъ тѣхъ рѣчныхъ дорогъ, которыя въ то время были главными артеріями страны. Руководясь этими соображеніями, Наполеонъ направился въ центръ Россіи. Завоевавъ земли между Окой и Волгой, Наполеонъ отрѣзалъ бы Петербургъ отъ губерній, снабжающихъ его хлѣбомъ. Французское знамя на башняхъ священнаго Московскаго Кремля дополнило бы рядъ военныхъ побѣдъ Наполеона заключительнымъ эффектомъ.

Для достиженія этой цѣли Наполеонъ предполагалъ разбить порознь (на Двинѣ и Днѣпрѣ) Барклая и Багратіона, относительно которыхъ, смѣясь, говорилъ, что „они больше не увидятся другъ съ другомъ“... Центромъ французскихъ силъ было мѣстечко Глубокое, куда и тронулись изъ Вильны наполеоновская гвардія и главные корпуса.

Съ 18-го на 19-е іюня разразилась страшная гроза, вызвавшая рѣзкое паденіе температуры. Дороги были испорчены, и это дало возможность русскимъ во-время отступить. Лошади французовъ гибли въ огромномъ количествѣ. Произошелъ рядъ незначительныхъ стычекъ.

Отсутствіе общаго плана войны и хорошихъ развѣдчиковъ вводило въ движеніе русскихъ войскъ путаницу. При передвиженіяхъ войскъ въ сѣверозападномъ краѣ произошло много эпизодовъ, показавшихъ героизмъ отдѣльныхъ отрядовъ русской арміи.

Такъ, напримѣръ, генералъ Дохтуровъ, дѣйствовавшій въ корпусѣ Тучкова и Шувалова, въ области рѣки Виліи, своевременно не получилъ указаній относительно движенія своего полка и поэтому вынужденъ былъ дѣйствовать по собственнымъ соображеніямъ. Узнавъ о близости непріятеля, онъ рѣшилъ итти на Ошмяны, гдѣ случайно встрѣтилъ довольно значительныя силы французовъ, которыя могли окончательно преградить ему путь. Дохтуровъ смѣло пробился черезъ непріятельскіе отряды и повелъ свой полкъ по сморгонской дорогѣ, держа непріятеля въ такомъ положеніи, что тотъ не рѣшался

серьезно его атаковать. Пройдя Вилейку, генералъ присоединился къ первой арміи.

Въ такомъ же положеніи очутился и другой русскій генералъ Дороховъ, стоявшій въ Оранахъ. Онъ былъ отрѣзанъ отъ арміи, вслѣдствіе поздняго полученія приказа отступать. Его полкъ былъ сосредоточенъ въ Ольkеникахъ и цѣлую недѣлю находился межъ колоннами Наполеона. Почти чудомъ ему удалось выйти изъ опаснаго положенія и соединиться съ войсками Платова, близъ Воложина, потерявъ всего 60 человѣкъ.

Изъ болѣе или менѣе важныхъ сраженій съ непріятелемъ первой арміи слѣдуетъ отмѣтить дѣло подъ Вилкомиромъ, при Девелтовѣ и въ Ошмянахъ. Частныя стычки, конечно, не рѣшали дѣла. Предполагалось дать общее сраженіе первой арміи при Дриссѣ. Дрисскій лагерь былъ укрѣпленъ по проекту прусскаго генерала Пфуля, перешедшаго на русскую службу. Но императоръ Александръ въ рѣшительный моментъ, сообразивъ всѣ неудобства позиціи, приказалъ оставить Дриссу.

Такъ какъ непріятель обнаружилъ рѣшительное движеніе въ глубь страны, то Барклай, оставивъ Витгенштейна съ корпусомъ въ окрестностяхъ Динабурга для прикрытія дороги въ Петербургъ, двинулся съ первой арміей чрезъ Полоцкъ по направленію къ Витебску. Непріятель преслѣдовалъ русскія войска слабо,—однимъ незначительнымъ корпусомъ.

Въ то же время наша вторая армія двигалась отъ Гродны къ Могилеву.

Русскіе главнокомандующіе сознали, что дѣйствія двухъ отдѣльныхъ армій на одномъ и томъ же театрѣ войны крайне неудобны. Арміи не имѣли между собою регулярныхъ сношеній и дѣйствовали на свой рискъ. Необходимо было соединиться. Пунктомъ соединенія былъ назначенъ Витебскъ.

Узнавъ, что русскія арміи готовятся къ соединенію, непріятель быстро двинулся въ Минскъ. Губернаторъ минскій (Добрянскій) былъ застигнутъ врасплохъ этимъ движеніемъ. На глазахъ, можно сказать, непріятеля (армія Даву) 24 іюня вывозилось изъ Минска цѣнное казенное имущество. Преосвященный Серафимъ въ тотъ же день съ соборнымъ духовенствомъ выѣхалъ въ Смоленскъ. Казенное имущество отправлено было въ Черниговъ водой, а казна въ Рѣчицу. Русское населеніе Минска спасалось бѣгствомъ во внутрь Россіи. Только поляки приготовлялись къ торжественной встрѣчѣ французовъ. 26 іюня Даву занялъ Минскъ, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ поляками.

Члены минскаго городского совѣта, избраннаго изъ поляковъ, позаботились, чтобы провіантскіе склады не были сожжены и достались непріятелю. Французы нашли здѣсь 7,500 пудовъ муки, много овса, 1,500 фунтовъ пороха и много разнаго лазаретнаго имущества.

По предложенію Наполеона, Минскъ долженъ былъ быть центральнымъ провіантскимъ складомъ и сборнымъ пунктомъ больныхъ. Маршаломъ Даву здѣсь былъ устроенъ госпиталь на двѣсти человѣкъ. Всѣ присутственныя и казенныя учрежденія были обращены подъ лазареты.

Противъ нашей второй арміи (Багратіона) дѣйствовалъ отрядъ Іеронима, брата Наполеона, помогавшій Даву. Вслѣдствіе несогласій Іеронима съ Даву, дѣйствія французовъ противъ Багратіона были неудовлетворительны. Наполеонъ былъ недоволенъ своимъ братомъ и впослѣдствіи совершенно заставилъ его отказаться отъ дѣятельнаго участія въ войнѣ. Даву искусными и быстрыми маршами гонялся за второй арміей. Но Багратіонъ не менѣе искусно уходилъ отъ него. Площадь сѣверо-западнаго края съ городами и мѣстечками: Зельва, Слонимъ, Николаевъ, Новогрудокъ, Бобруйскъ, Вишнево, Воложинъ, Ольшаны, Новосверженъ, Кейданы, Миръ, Несвижъ, Слуцкъ, Могилевъ, Мстиславль и др.—была театромъ искусныхъ маневровъ Багратіона. Принцъ Евгеній писалъ своей женѣ отъ 9 іюня (22): „мы бѣжали за арміей Багратіона и съ большимъ трудомъ могли за ней слѣдовать". Подъ Могилевомъ Багратіонъ выдержалъ жестокій бой съ маршаломъ Даву, и двинулся для соединенія съ Барклаемъ къ Смоленску.

8 іюля корпусъ Даву занялъ Могилевъ. Появленіе французовъ было такъ неожиданно для могилевскихъ жителей, что они не успѣли опомниться. Могилевскій губернаторъ едва успѣлъ скрыться изъ города на дрожкахъ, а дальше долженъ былъ бѣжать пѣшкомъ по болотамъ. Въ городѣ тоже было устроено французское правленіе. Жителей насильно приводили къ присягѣ.

Русскимъ арміямъ не удалось соединиться въ Витебскѣ. Здѣсь 13—15 іюля произошелъ жаркій бой французовъ съ первой арміей, дорого стоившій

обѣимъ сторонамъ. Барклай долженъ былъ отступить по направленію къ Смоленску.

Наполеонъ прожилъ въ Витебскѣ до 1 августа. Здѣсь, съ балкона губернаторскаго дома, онъ смотрѣлъ на парады полковъ своей арміи, о чемъ дѣлались эффектныя донесенія въ Парижъ.

Безпорядочное движеніе войскъ, масса частныхъ стычекъ съ перемѣнчивымъ результатомъ, гибель лошадей и войскъ отъ разныхъ причинъ, усиливавшееся дезертирство, отступленіе русскихъ съ явной цѣлью избѣгнуть рѣшительнаго сраженія и необходимость итти все впередъ безъ надежды на рѣшительное сраженіе, все это, вмѣстѣ взятое, заставило Наполеона серьезно задуматься надъ планомъ будущей кампаніи. Въ Витебскѣ Наполеономъ былъ созванъ даже военный совѣтъ для рѣшенія вопросовъ: слѣдуетъ ли итти дальше? не довольствоваться ли занятымъ краемъ? Значительная часть маршаловъ совѣтовала остановиться въ занятомъ краѣ до весны будущаго года, укрѣпить позиціи на Днѣпрѣ и Двинѣ, подготовиться къ продолженію войны и присоединить покоренную французами страну къ Польшѣ. Но Наполеонъ рѣзко заявилъ, что онъ въ мѣсяцѣ іюлѣ не привыкъ думать о зимнихъ квартирахъ и что его арміи, привыкшей къ быстрымъ наступательнымъ дѣйствіямъ, не свойственна оборонительная позиція... Рѣшено было итти дальше на Смоленскъ.

Наполеонъ нѣсколько разъ пытался разбить наши арміи порознь. Это ему до сихъ поръ не удавалось. Но и арміямъ тоже не удавалось соединиться. На-

полеонъ былъ доволенъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что русскія арміи отступали.

Природа и климатическія измѣненія благопріятствовали русскимъ. То было слишкомъ жарко, то лились ливни, вслѣдствіе чего дороги, мосты, плотины испортились, а низкія мѣста покрылись водой. Наполеонъ однако не привыкъ считаться съ такого рода затрудненіями. Полагаясь только на силу арміи, онъ велѣлъ войскамъ двигаться впередъ. Французы плохо знали планъ мѣстности и часто сбивались въ дорогахъ. А Бобруйска, какъ говорятъ, Наполеонъ такъ и не могъ найти среди болотъ.

Война затягивалась. Императоръ Александръ оставилъ армію Барклая и отправился черезъ Великіе Луки и Смоленскъ въ Москву для того, чтобы лично руководить оборонительными средствами Россіи. Въ Москву онъ послалъ манифестъ о вооруженіи всего государства и личное воззваніе къ московскимъ гражданамъ. Манифестъ придавалъ войнѣ новый характеръ. Война должна была сдѣлаться народной. И дѣйствительно, на защиту отечества поднялся весь народъ. „Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына и въ каждомъ гражданинѣ—Минина!“—говорилось въ манифестѣ. „Соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ—никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“...

Очень кстати были получены извѣстія изъ Испаніи и Швеціи съ выгоднымъ предложеніемъ—содѣйствовать пораженію французовъ. Наслѣдный принцъ шведскій предполагалъ сдѣлать высадку въ

Ревелѣ или другомъ мѣстѣ, въ тылу французовъ, въ томъ случаѣ, если война для Россіи будетъ неудачной.

9 іюля императоръ Александръ прибылъ въ Смоленскъ. Смоленское дворянство немедленно постановило вооружить на свой счетъ до двадцати тысячъ человѣкъ. Чрезъ три дня (12 іюля) императоръ былъ въ Москвѣ. На слѣдующій день въ Кремлѣ не было свободнаго мѣста отъ запрудившаго его народа. При появленіи государя на красномъ крыльцѣ загудѣли колокола, загремѣло „ура", и раздались клики народа: „Веди насъ, веди насъ!"... Московское дворянство собрало 80,000 ополченія. Купечество охотно давало нужныя для этого средства. Въ первые два часа по открытіи подписки пожертвованій на войну было собрано полтора милліона рублей. Примѣру Москвы послѣдовала вся Россія. Готовность жертвъ превышала потребности.—Поэтому императоръ не нашелъ нужнымъ распространять общее вооруженіе на всю Россію. Ополченіе было объявлено только въ 17 губерніяхъ, ближайшихъ къ столицѣ. Въ Москвѣ главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Ростопчинъ.

Вообще Россія выставила до 320,000 ратниковъ и пожертвовала не менѣе ста милліоновъ рублей. Добровольныя пожертвованія, впрочемъ, этимъ не ограничивались.

— „Пожалуйста скажите, служивые, когда придетъ пора зажигать наши дома"... говорили крестьяне солдатамъ, готовясь истреблять свои жилища.

Огромная сила Наполеона, вступившая шумнымъ потокомъ въ Россію, быстро таяла. По пути до

Смоленска французы потеряли не менѣе 80,000 человѣкъ. Изъ нихъ было убито не болѣе 10,000.

21-го іюля наши арміи соединились, наконецъ, у Смоленска. Рѣшено было предпринять наступательное движеніе и итти по направленію къ Витебску, навстрѣчу Наполеону. Но едва было сдѣлано нѣсколько переходовъ, какъ получилось извѣстіе, что Наполеонъ заходитъ въ тылъ русскому войску и идетъ въ только что оставленный русскими Смоленскъ. При такихъ обстоятельствахъ объединенная русская армія легко могла быть совершенно отрѣзана отъ Москвы и южныхъ губерній. Немедленно отданъ былъ приказъ Невѣровскому (съ 7,000 отрядомъ) задержать авангардъ французской арміи подъ Смоленскомъ, что онъ и выполнилъ блестяще подъ Краснымъ, отбивъ около 40 непріятельскихъ атакъ Мюрата,—зятя Наполеона Непріятель былъ задержанъ, и это дало возможность корпусу Раевскаго занять Смоленскъ (съ 16,000 солдатъ).

3-го августа Наполеонъ былъ въ новомъ архіерейскомъ дворѣ, отстоявшемъ въ семи верстахъ отъ Смоленска, а утромъ 4-го августа велѣлъ атаковать городъ, увѣренный, что въ Смоленскѣ была лишь слабая дивизія Невѣровскаго. Однако смоленскіе полки оказались сильнѣе, чѣмъ предполагалъ Наполеонъ, и взятіе Смоленска дорого ему обошлось. Нѣсколько приступовъ было отбито. Атаки не удавались. Ихъ безполезность утомила Наполеона. Онъ рѣшительно приказалъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, взять городъ.

Барклай продолжалъ отступать по дорогобужской дорогѣ. Для прикрытія отступленія къ Смоленску былъ посланъ корпусъ Дохтурова на смѣну утомленнымъ войскамъ Раевскаго. Дохтуровъ долженъ былъ защищать Смоленскъ до послѣдней крайности. 5-го августа Дохтуровъ, Коновницынъ и Невѣровскій отбили новый приступъ Наполеона. Русскіе потеряли въ Смоленскѣ до 4-хъ тысячъ убитыми. Потери французовъ опредѣляютъ большой цифрой (отъ 6 до 12 тысячъ).

Сраженіе у Смоленска съ массой человѣческихъ жертвъ было самымъ серіознымъ дѣломъ за все время движенія французской арміи по русской территоріи. Это дѣло заставило Наполеона задуматься ...

—„Мы уже довольно сожгли пороха, и довольно пролито крови. Когда же нибудь надобно кончить. За что мы деремся?“ говорилъ Наполеонъ генералу Тучкову, взятому въ плѣнъ.

Вопросъ о мирѣ представлялся французамъ своевременнымъ. Наполеонъ не прочь былъ пойти на значительныя уступки въ области континентальной системы.

—„Вы хотите имѣть сахаръ и кофе,—говорилъ онъ.—Вы будете имѣть ихъ“...

Объ этомъ онъ просилъ Тучкова довести до свѣдѣнія императора Александра черезъ его брата, командира корпуса.

Бой подъ Смоленскомъ далъ возможность окончательно сблизиться нашимъ главнымъ арміямъ. Отбивая съ небольшой силой приступъ двухсоттысячной французской арміи, Раевскій далъ возмож-

ность нашей объединенной арміи свободно выйти на смоленскую дорогу и продолжать движеніе дальше по направленію къ Москвѣ.

Французская армія, преслѣдовавшая русскихъ, но не настигавшая ихъ, фатально углублялась внутрь страны, которая становилась все болѣе пустынной, такъ какъ народъ добровольно истреблялъ свои жилища. Съ другой стороны, партизанскіе отряды все чаще и чаще безпокоили французовъ. Французы лишь съ боя могли овладѣть кой-какимъ скуднымъ фуражемъ.

Барклай-де-Толли былъ убѣжденъ въ необходимости избѣгать рѣшительныхъ сраженій. Отступая предъ превосходнымъ по силѣ непріятелемъ, онъ заманивалъ его вглубь страны. Но такими его дѣйствіями былъ недоволенъ народъ, для котораго движеніе непріятеля было очень чувствительно. Войска приходили въ уныніе. Такія обстоятельства заставили Барклая скрывать свои намѣренія. Въ своихъ приказахъ онъ иногда объявлялъ совершенно не то, что требовалось.

Къ тому же главнокомандующіе сильно разнились во взглядахъ. Багратіонъ высказывался противъ отступленія и жаловался на нѣмцевъ, заполонившихъ главную квартиру. Между Барклаемъ и Багратіономъ происходили крупныя разногласія,—что производило нехорошее впечатлѣніе.

Въ высшихъ сферахъ тоже были недовольны нерѣшительностью и медлительностью Барклая. Настроеніе русскихъ, вообще, стало нетерпѣливо. Патріоты требовали немедленнаго наступленія. Вездѣ

говорили о необходимости перемѣнить главнокомандующаго. Императоръ Александръ, несшій нравственную отвѣтственность за дѣйствія Барклая, не могъ не поддаться общественному настроенію. Предстояло не только смѣнить Барклая, но, въ угоду общественному настроенію, выбрать главнокомандующаго изъ недовольныхъ... Чтобы выяснить положеніе дѣла, императоръ Александръ поручилъ обсудить вопросъ о главнокомандующемъ особому комитету, который рѣшилъ, что, въ интересахъ единства дѣйствій, необходимо назначить надъ всѣми арміями одного общаго главнокомандующаго. Выборъ палъ на 67-лѣтняго Михаила Илларіоновича Кутузова.

Кутузовъ былъ извѣстенъ еще при императрицѣ Екатеринѣ. Онъ выдвинулся при Румянцевѣ. Его любилъ Суворовъ. Какъ дипломатъ, онъ отличился во время своего посольства въ Константинополѣ. Передъ войной 1812 г. ему удалось блестяще окончить турецкую войну. Петербургское ополченіе избрало его своимъ предводителемъ. Главными чертами Кутузова, какъ полководца, были: осторожность, скрытность и хитрость. Въ рядахъ недовольныхъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ. Несмотря на то, что императоръ не могъ забыть этому генералу проиграннаго сраженія подъ Аустерлицемъ, онъ сдѣланъ былъ, въ угоду общественному мнѣнію, главнокомандующимъ всѣхъ войскъ. Отъ полководца, воспитаннаго въ громкое побѣдоносное царствованіе Екатерины II, ожидалось спасеніе родины. Россія праздновала назначеніе полководца съ русскимъ

именемъ съ такой радостью, которой не знали со дня вступленія непріятеля.

Узнавъ о назначеніи главнокомандующимъ Кутузова, Наполеонъ назвалъ его старой лисицей сѣвера.

— „Я докажу ему, что онъ не ошибся“,—сказалъ по этому поводу Кутузовъ.

Отправляясь въ армію, Кутузовъ возложилъ на себя икону Казанской Божіей Матери, хранившуюся въ Казанскомъ соборѣ. Своимъ приближеннымъ онъ откровенно заявилъ, что не надѣется разбить Наполеона, но приметъ всѣ мѣры, чтобы обмануть его. Кутузовъ склоненъ былъ смотрѣть на дѣло болѣе пессимистически, чѣмъ было для этого основанія. Угождая однако общественному мнѣнію, онъ представлялся болѣе рѣшительнымъ и даже дерзкимъ.

Наша армія находилась между Гжатскомъ и Вязьмой. Здѣсь рѣшено было дать рѣшительное общее сраженіе. Этого требовало общественное мнѣніе, выдвинувшее Кутузова на постъ главнокомандующаго.

17-го августа главнокомандующій прибылъ въ Царево-Займище, гдѣ находилась главная квартира обѣихъ армій.

— „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами“,—сказалъ Кутузовъ, здороваясь съ почетнымъ карауломъ.

— Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ,—говорили солдаты.

Разнесся слухъ, что орелъ взвился надъ главнокомандующимъ, когда онъ объѣзжалъ лагерь. Всѣ

ожидали битвы. Непріятель былъ недалеко. Однако на слѣдующій же день вышелъ приказъ отступать. Позиція у Царева-Займища оказалась негодной для общаго сраженія.

IV.

Бородино. Занятіе французами Москвы.

Новый главнокомандующій и по характеру своему и по преклоннымъ лѣтамъ непригоденъ былъ для рѣшительныхъ дѣйствій. Онъ держался выжидательной политики и отступалъ. Военныя дѣйствія развертывались независимо отъ его общаго руководства.

Но, наконецъ, необходимо было столкнуться арміямъ не въ мелкихъ стычкахъ, а въ рѣшительномъ общемъ бою. Этого требовало и напряженное ожиданіе страны и нетерпѣніе солдатъ, желавшихъ помѣряться силами въ окончательной схваткѣ.

Продолжая отступленіе, наши войска 22 августа подошли къ Бородино,—селу, расположенному въ 108 верстахъ отъ Москвы, на равнинной мѣстности съ незначительными возвышеніями. Позиція для общей битвы была удобная.

24 августа по той же смоленской дорогѣ подошелъ къ Бородино и Наполеонъ. Его войска оттѣснили нашъ аріергардъ, которымъ командовалъ Коновницынъ.

Послѣ полудня того же числа непріятель произвелъ рекогносцировку на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Произошло довольно жаркое дѣло. Бой кончился съ

наступленіемъ сумерекъ. Обѣ стороны потеряли безрезультатно нѣсколько тысячъ человѣкъ.

25 августа непріятель не обнаружилъ рѣшительныхъ движеній.—Французы стояли неподвижно на занятыхъ ими позиціяхъ, несмотря на то, что ихъ орудія, стоявшія нѣсколько выше нашихъ, могли легко обстрѣливать наши позиціи. Наполеонъ выжидалъ прибытія оставшейся сзади тяжелой артиллеріи, которая не могла быстро слѣдовать за арміей, такъ какъ ея лошади находились въ печальномъ состояніи. Французская армія значительно поубавилась со времени начала похода. Въ Бородинскій бой Наполеонъ могъ ввести въ дѣло 130—140,000 человѣкъ [1]), половину арміи, вошедшей въ Россію.

Такимъ образомъ еще задолго до рѣшительнаго сраженія русскіе имѣли надежнаго сотрудника во времени, которое въ значительной степени разрѣдило грозную силу непріятеля. Русскіе имѣли 640 орудій, французы 587. Около четверти нашихъ орудій были батарейныя. Французскія орудія по дальности и силѣ боя уступали нашимъ.

Въ полдень 25 августа Кутузовъ приготовлялъ свои войска къ битвѣ. По рядамъ была пронесена икона Смоленской Божіей Матери, взятая при отступленіи изъ Смоленска. Настроеніе русскихъ войскъ было приподнятое, но молчаливое. Всѣ сознавали важность момента. Солдаты отказывались отъ положенной чарки.—„Не такой нынче день“... говорили

[1]) Въ указанное число не вошло 20,000 гвардіи, которую Наполеонъ ни при какихъ условіяхъ не желалъ вводить въ дѣло.

они. Многіе надѣвали чистыя рубахи и готовились къ смерти. Ночью даже не зажигали костровъ.

Передъ бородинскимъ сраженіемъ.

Французы ожидали битвы въ болѣе жизнерадостномъ настроеніи. Войска Наполеона выходили побѣдителями изъ 50 битвъ. Увѣренные въ побѣдѣ, они были довольны, что, наконецъ, рѣшится кампанія, и настанетъ конецъ утомительнымъ, безрезультатнымъ передвиженіямъ. Клики въ честь императора долго не смолкали во французскомъ лагерѣ.

— Что дѣлается у русскихъ? спросилъ Наполеонъ, выйдя раннимъ утромъ изъ палатки. Узнавъ, что они не ушли, онъ остался очень доволенъ.

— Это—солнце Аустерлица! - сказалъ онъ при видѣ восходившаго солнца.

Прочитанъ былъ приказъ Наполеона войскамъ, оканчивавшійся красивой фразой: „Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день! Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!“...

На разсвѣтѣ 26 августа непріятельскія колонны пришли въ движеніе. Съ нашей стороны батарея Раевскаго (такъ называемый большой редутъ) первая открыла огонь. По другимъ извѣстіямъ, первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ со стороны непріятеля.

Наибольшей силѣ атакъ подверглось лѣвое крыло нашей арміи—такъ называемые багратіоновы флеши (близъ Семеновскаго), центръ (село Бородино) и батарея Раевскаго. Не всѣ атаки были удачны для французовъ. Наполеонъ постепенно вводилъ новыя войска. Каждый шагъ наступленія французовъ стоилъ имъ потоковъ крови. Багратіоновы флеши и редуты Раевскаго нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки.

Къ полудню войска утомились. Огонь замѣтно сталъ ослабѣвать. Результаты битвы до полудня были крайне неопредѣленны. Это раздражало Наполеона. Онъ приказалъ пустить въ дѣло новыя силы. Противъ нашего лѣваго крыла было направлено болѣе 400 орудій. Это заставило Кутузова сблизить резервы и увеличить на лѣвомъ крылѣ артиллерію до 300 орудій. На пространствѣ не болѣе квадратной версты 700 орудій открыли безпрерывную канонаду. Наши войска, по приказу Багратіона, вступили съ непріятелемъ въ отчаянный рукопашный бой. Подоспѣвшая съ обѣихъ сторонъ кавалерія довершила

общую сумятицу, въ которой пѣшіе и конные смѣшались въ одну толпу. Въ пылу бойни смертельно былъ раненъ Багратіонъ. Многіе генералы, получивъ раны, должны были оставить войска. Лишившись предводителей, наши полки мѣстами стали отступать. Французы наступали... Ожесточенныя схватки продолжались... Если бы Наполеонъ пожелалъ ввести

Наполеонъ наблюдаетъ бородинскую битву.

въ дѣло свою запасную гвардію, исходъ сраженія былъ бы, по всей вѣроятности, гибеленъ для насъ. Но никакія убѣдительныя просьбы сдѣлать это не побудили французскаго императора пожертвовать своими гвардейцами, которыхъ онъ очень цѣнилъ. Сраженіе было прекращено наступленіемъ сумерекъ. Непріятель вернулся на позицію, которую занималъ

утромъ. Лишь передовые его посты остались въ Бородинѣ, Утицѣ и взятыхъ ими укрѣпленіяхъ. Наша армія нѣсколько отошла.

Хотя Наполеонъ и послалъ извѣщеніе въ Парижъ, императрицѣ Маріи Луизѣ, о побѣдѣ подъ Москвой,— онъ былъ крайне недоволенъ необычнымъ исходомъ сраженія. Избалованный побѣдами, онъ не привыкъ къ такимъ боевымъ результатамъ. Невыигранное двѣнадцатичасовое сраженіе, при громадности потерь, въ сущности равнялось проигранному. Русскіе отодвинулись, но не ушли. Кутузовъ поздравлялъ русскія войска съ побѣдой. Наполеонъ, конечно, не признавалъ этой побѣды, но онъ не могъ отрицать, что русскими была одержана безспорная моральная побѣда.

Всю ночь послѣ битвы Наполеонъ работалъ въ своей палаткѣ. Работы накопилось много, такъ какъ предшествующіе пять дней онъ не занимался кабинетной работой. Волненія дня и неопредѣленность дѣла, которому придавалось огромное значеніе, такъ подѣйствовали на него, что онъ лишился голоса и не могъ ни говорить ни диктовать. Свои распоряженія онъ быстро писалъ на лоскуткахъ бумаги, которые секретари наскоро переписывали, при чемъ имъ приходилось долго сидѣть надъ каждой строкой, чтобы разобрать каракули Наполеона, писавшаго по приказу чрезъ нѣсколько минутъ и то и дѣло постукивавшаго по столу,—знакъ принять бумагу. Въ теченіе почти двѣнадцати часовъ, говорили очевидцы, только и слышенъ былъ скрипъ пера Наполеона.

А казаки, между тѣмъ, всю ночь тревожили французовъ. Утромъ они внесли смятеніе въ лагерь французовъ, дойдя почти до ставки самого Наполеона, такъ что старая гвардія должна была стать въ ружье.

Кутузовъ предполагалъ на слѣдующій день возобновить сраженіе. Но когда корпусные командиры донесли объ ужасныхъ потеряхъ, понесенныхъ арміей, онъ отмѣнилъ свое распоряженіе.

Съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя болѣе 100,000 человѣкъ. Русскіе потеряли около 44,000 человѣкъ. Убито было 22 генерала, въ числѣ ихъ: Багратіонъ, Тучковы, Воронцовъ, Кутайсовъ и др. Выбыло изъ строя около 2,000 офицеровъ.

Значительны были потери и непріятеля. Французы потеряли убитыми девять генераловъ. Тридцать было ранено. Французы называли бородинское сраженіе „битвою генераловъ".

— Изъ всѣхъ моихъ сраженій,—говорилъ Наполеонъ на островѣ св. Елены,—самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвой.

На слѣдующій день наша армія такъ незамѣтно снялась съ позиціи въ полномъ боевомъ порядкѣ, что французы замѣтили ея движеніе не ранѣе десяти часовъ утра. Они тотчасъ же напали на аріергардъ арміи, которымъ командовалъ Платовъ. Отражая всѣ натиски, Платовъ отступилъ къ Можайску.

Кутузовъ предполагалъ дать другое сраженіе. Изъ Вяземки (въ 30 верстахъ отъ Москвы) онъ писалъ графу Ростопчину, главнокомандующему столицей, что намѣренъ дать генеральное сраженіе

у Москвы. Дѣйствительно, офицеры генеральнаго штаба разыскивали здѣсь оборонительную позицію.

1-го сентября русская армія расположилась на бивакахъ въ двухъ верстахъ отъ дорогомиловской заставы. На скамейкѣ, на Поклонной горѣ, сидѣлъ старый фельдмаршалъ. Около него толпились генералы. Говорили о невыгодной позиціи для новой битвы.

Вечеромъ, въ деревнѣ Филяхъ, въ избѣ состоялся военный совѣтъ. Положеніе русскихъ было затруднительно. На поляхъ Бородина легла половина арміи. Предстоялъ грозный вопросъ: рискнуть ли остальной половиной для защиты Москвы или пожертвовать Москвой для защиты арміи? Кутузовъ колебался. Армія была хотя и не разбита, но усталая. Великодушное, но совершенно непрактичное намѣреніе Ростопчина,—съ которымъ Кутузовъ къ тому же былъ не въ ладахъ,—итти къ нему на помощь съ московскимъ ополченіемъ, составленнымъ изъ волонтеровъ, было отвергнуто.

Кутузовъ разсчиталъ, что, съ потерей Москвы и даже ея разореніемъ, кампанія не будетъ проиграна, и отмѣнилъ свое прежнее рѣшеніе.

—„Если непріятель и займетъ Москву, то расплывется въ ней, какъ въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать, какъ захочу“... говорилъ Кутузовъ.

И это рѣшеніе дѣлаетъ большую честь его военной прозорливости, несмотря на то, что онъ же незадолго передъ этимъ клялся сѣдинами, что „скорѣе умретъ, чѣмъ сдастъ Москву“...

На совѣтѣ говорилось о двухъ путяхъ отступленія: по владимирской дорогѣ и рязанской.

взяло верхъ второе. Рязанская дорога давала больше провіанта, обезпечивала лучшее состояніе арміи... Москву рѣшено было сдать безъ боя, несмотря на то, что Кутузовъ убѣждалъ московскаго генералъ-губернатора—графа Ростопчина въ рѣшимости защищать столицу до послѣдней крайности.

Москвичи однако никакъ не могли примириться съ мыслью, что Москву сдадутъ безъ боя. Во время совѣта въ Филяхъ народъ толпами стремился на „Три горы“, думая, что туда явится Ростопчинъ и поведетъ его на французовъ, какъ это было обѣщано въ ростопчинскихъ афишахъ. Но Ростопчинъ не явился. Въ ночь съ перваго на второе сентября Кутузовъ далъ ему знать о своемъ намѣреніи оставить Москву.

Ростопчинъ, застигнутый врасплохъ отступленіемъ нашей арміи по рязанской дорогѣ, успѣлъ раздать народу старое оружіе изъ арсенала, чтобы оно не досталось непріятелю. Онъ же распорядился вылить на улицу всю водку изъ бочекъ и поспѣшилъ выѣхать изъ столицы.

Отступая отъ Москвы, Кутузовъ велѣлъ аріергарду Милорадовича по возможности удерживать непріятеля, чтобы войска успѣли пройти черезъ столицу.

—„Если нужно, почтите видомъ сраженія древнія стѣны Москвы“,—писалъ при этомъ Кутузовъ Милорадовичу.

Московскій сенатъ, преосвященный Августинъ уѣхали во Владиміръ. На Москвѣ рѣкѣ зажжены были всѣ барки съ частными и казенными грузами.

V.

Французы въ Москвѣ.

Второго сентября французскіе обозы и артиллерія вступили въ дорогомиловскую заставу. За ними слѣдовала въ глубокомъ молчаніи пѣхота и конница. Миновавъ коломенскую заставу, французы остановились на привалъ — по обѣимъ сторонамъ дороги.

Передовыя французскія войска при этомъ смѣшались съ казаками, шедшими послѣдними. Милорадовичъ предложилъ Мюрату не слишкомъ напирать на его аріергардъ и дать время русскимъ спокойно уйти, угрожая въ противномъ случаѣ зажечь за собою столицу. Тотъ согласился.

Въ этотъ моментъ, король неаполитанскій— Мюратъ блеснулъ предъ русскими — „варварами“ роскошью своего наряда. Онъ попросилъ бурку у одного офицера-казака и подарилъ за нее дорогіе золотые часы, взятые у одного изъ офицеровъ своей свиты.

Въ десять часовъ утра къ авангарду своихъ войскъ прибылъ Наполеонъ и поѣхалъ на Поклонную гору.

—„Мы были поражены чуднымъ видомъ Москвы,— говоритъ очевидецъ.—Всѣ наперерывъ одинъ передъ другимъ открывали и указывали другъ другу новыя красоты. Дома, выкрашенные разными красками, купола, крытые желѣзомъ, серебромъ и золотомъ, представляли разнообразный видъ. Балконы и террасы дворцовъ, памятники и особенно колокольни

давали намъ въ общемъ картину одного изъ тѣхъ знаменитыхъ городовъ Азіи, которые до тѣхъ поръ мы считали существовавшими только въ воображеніи арабскихъ поэтовъ"...

Наполеонъ на стѣнѣ московскаго кремля.

Наполеонъ ожидалъ депутатовъ столицы. Онъ ждалъ городскихъ ключей отъ городского мэра. Но

ожиданія были напрасны. Наполеону донесли, что Москва пуста. Оставленіе Москвы сильно озадачило Наполеона. Онъ ничего не терялъ, какъ геніальный полководецъ, но увидѣлъ себя въ совершенно новой, необычной сферѣ. Его раздражалъ такой способъ сопротивленія, совершенно несогласный съ его представленіями о войнѣ.

Въ половинѣ одиннадцатаго, 3 сентября, во вторникъ Наполеонъ въѣхалъ въ Москву, безъ всякихъ знаковъ отличія, на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ и простой треугольной шляпѣ. До боровицкихъ воротъ онъ не видѣлъ ни одного жителя и пришелъ въ большое негодованіе. „Однако видъ Кремля", — разсказываетъ Сегюръ, — „этой величественной постройки Рюриковичей и Романовыхъ, видъ ихъ трона, стоявшаго на обычномъ мѣстѣ, креста Ивана Великаго и созерцаніе лучшей части города, надъ которой царилъ Кремль, нѣсколько успокоили Наполеона". Завоеваніе такого города льстило его самолюбію, и онъ съ самодовольствомъ сказалъ: „Наконецъ я въ Москвѣ, въ старинныхъ царскихъ хоромахъ въ Кремлѣ"... Съ гордымъ любопытствомъ и довольствомъ разсматривалъ онъ свою новую резиденцію, разспрашивалъ о городѣ и мечталъ о заключеніи мира.

Есть извѣстіе, что въ это время и со стороны русскихъ тоже высказывалась потребность заключенія мира. Твердая рѣшимость Александра не мириться съ Наполеономъ далеко не раздѣлялась всѣми государственными людьми. Извѣстно, напр., что графъ Румянцевъ, графъ Аракчеевъ и даже Цеса-

ревичъ Константинъ Павловичъ поговаривали о необходимости заключенія мира послѣ занятія Москвы французами.

Но императоръ Александръ былъ непреклоненъ въ своей волѣ продолжать войну. На донесеніе Кутузова о занятіи Наполеономъ Москвы государь отвѣтилъ слѣдующими словами:

— „Скажите нашимъ храбрецамъ, объявляйте всѣмъ моимъ вѣрноподданнымъ вездѣ, гдѣ вы проѣзжать будете, что, если у меня не останется ни одного солдата, я стану во главѣ моего дорогого дворянства и моихъ добрыхъ крестьянъ и пожертвую всѣми средствами моей имперіи... Если божественнымъ Провидѣніемъ предопредѣлено, чтобы когда-либо моя династія перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моей власти, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться картофелью съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели подпишу позоръ моего отечества и дорогихъ моихъ подданныхъ, жертвы коихъ умѣю цѣнить. Наполеонъ или я, я или онъ. Но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня“...

Утвержденіе Наполеона въ Москвѣ заставило русское правительство принять мѣры предосторожности на случай движенія непріятеля къ Петербургу. Всѣ драгоцѣнности и архивы приказано было немедленно вывезти изъ столицы. Наполеонъ однако не думалъ двигаться на сѣверъ. Онъ рѣшилъ основательно укрѣпиться въ Москвѣ, полагая, что естественный ходъ событій долженъ наконецъ ввести

порядокъ и склонить населеніе къ примиренію съ сложившимися обстоятельствами. Губернаторомъ Москвы былъ назначенъ маршалъ Мортье, комендантомъ—Гюроней, правителемъ губерніи—Лессепсъ. Къ жителямъ была издана особая прокламація, призывавшая къ порядку и новому гражданскому устройству.

Особое вниманіе оказалъ Наполеонъ проживавшимъ въ Москвѣ иностранцамъ. Его занимала мысль устроить въ Москвѣ французскій театръ изъ актеровъ-французовъ, не имѣвшихъ возможности выѣхать изъ Москвы. Возстановленъ былъ полуразрушенный театръ. Дано было нѣсколько представленій.

Наполеонъ, безспорно, былъ хорошимъ завоевателемъ, но плохимъ психологомъ. Если бы онъ немножко постарался войти въ психологію русскаго народа, понять его настроенія и исторически сложившіяся черты, среди которыхъ религіозность была главной, то онъ не только не позволилъ бы кощунственно распоряжаться храмами и церковнымъ имуществомъ, но постарался бы сохранить въ неприкосновенности эти святыни. И это могло бы быть одной изъ разумныхъ попытокъ для привлеченія симпатій незначительной части населенія, оставшейся въ Москвѣ.

Но французы распоряжались въ Москвѣ, не считаясь съ національными особенностями русскаго населенія. Пребываніе Наполеона на ночлегѣ въ Успенскомъ соборѣ, оскверненіе храмовъ, устройство конюшни въ Архангельскомъ соборѣ и пр. страшно

приподняло и оскорбило національно-религіозное чувство русскихъ людей.

Французы въ кремлевскомъ соборѣ.

Съ перваго же дня пребыванія французовъ въ Москвѣ вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ пожары. Поднявшійся порывистый вѣтеръ соединилъ ихъ въ одно огромное море огня. Необычный свѣтъ, лившійся въ окна дворца, прерывалъ сонъ Наполеона. Онъ выходилъ на балконъ любоваться сверкавшими волнами пламени.

— „Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это скифы!“—говорилъ онъ.

Пожаръ въ Москвѣ французы вначалѣ приписывали разнымъ случайностямъ, главнымъ образомъ, неосторожности своихъ солдатъ. Они принимали всѣ мѣры потушить огонь. Маршалъ Мортье 36 часовъ боролся съ пожаромъ и, наконецъ, изнемогъ.—„Прекрасныя зданія, которыми мы восхищались,—писалъ Мортье,—были охвачены и уничтожены пламенемъ. Ихъ превосходные фронтоны, украшенные барелье-

Пожаръ Москвы.

фами и статуями, съ шумомъ и трескомъ падали. Церкви, хотя и крытыя желѣзомъ, тоже рушились, а съ ними—и прелестныя колокольни, сіявшія серебромъ и золотомъ. Госпитали раненыхъ тоже загорались, и сцены, въ нихъ происходившія, раздирали душу“.

Въ Кремль стали падать горящія головни. Загорался нѣсколько разъ арсеналъ. Наполеонъ подвергался опасности жизни, тѣмъ болѣе, что зарядные артиллерійскіе ящики расположены были на площадяхъ Кремля. Наполеона убѣждали выѣхать изъ города. Онъ долго не соглашался и только послѣ того, какъ ему доказали, что его войска могутъ быть разъединены съ нимъ моремъ огня, Наполеонъ по огненной землѣ, среди обгорѣлыхъ и горящихъ стѣнъ, пробрался въ Петровскій дворецъ, гдѣ прожилъ пять дней, а затѣмъ снова вернулся въ Кремль.

Въ продолженіе трехъ сутокъ въ Москвѣ сгорѣло $^{3}/_{4}$ домовъ. Большая часть церквей была разрушена. Оставшіеся въ Москвѣ русскіе были обобраны до рубашки и лишены послѣдней обуви. Многіе изъ нихъ питались кореньями изъ огородовъ или мокрой пшеницей, добытой изъ барокъ, опущенныхъ на дно рѣки. Французы ѣли не вкуснѣе. У костровъ, на которыхъ пылала дорогая мебель, разорванныя книги и картины, исколотыя въ щепы иконы, варилась конина. На улицахъ валялись головы сахара, мѣшки съ кофе, а хлѣба не было

По словамъ очевидца, распущенность доходила въ Москвѣ до крайняго предѣла. Хотя Наполеонъ и принималъ мѣры къ порядку, но трудно было справиться съ солдатами, доходившими до чудовищныхъ безобразій... „Ничто такъ не зажигало алчности грабителей, — говоритъ очевидецъ, — какъ Архангельскій соборъ въ Москвѣ, съ гробницами царей, въ которыхъ ожидали найти громадныя сокровища. Въ чаяніи ихъ гренадеры спустились съ факелами

въ подземелье и взрыли, перебудоражили самые гробы и кости почившихъ". Одинъ французскій офицеръ говорилъ, „что со времени революціи не видано было такого безпорядка въ арміи. Всѣ улицы были полны человѣческими трупами, перемѣшанными съ падалью лошадей и другихъ животныхъ... Здѣсь кричали „караулъ", голоса замирали, захлебывались въ своей крови. Въ другихъ мѣстахъ тащили по улицѣ чуть не голыхъ мужчинъ и женщинъ и съ ножемъ у горла требовали открытія спрятанныхъ будто бы сокровищъ"...

Только къ 17 сентября французы могли кое-какъ разобраться въ той суматохѣ, которая царила въ Москвѣ. Въ городѣ былъ учрежденъ муниципалитетъ. Нѣкоторые купцы, оставшіеся въ Москвѣ, вступили въ муниципалитетъ и носили даже особый значекъ на рукахъ въ видѣ перевязи изъ бѣлыхъ и красныхъ лентъ. Въ случаѣ надобности они имѣли право требовать отъ французскихъ офицеровъ вооруженнаго вмѣшательства.

Нуждаясь въ деньгахъ, Наполеонъ выпустилъ около ста милліоновъ фальшивыхъ русскихъ бумагъ. Бертье жаловался впослѣдствіи на потерю коляски, „въ которой были самыя тайныя бумаги". Дѣйствительно, въ коляскѣ была найдена доска для печатанія сторублевыхъ русскихъ ассигнацій. Городской голова Находкинъ былъ награжденъ Наполеономъ 100,000 фальшивыхъ ассигнацій.

Скоро открылись партизанскія дѣйствія тѣхъ рѣшительныхъ смѣльчаковъ, въ которыхъ накипѣло много досады и обиды за угнетеніе національнаго

русскаго чувства Однимъ изъ такихъ партизановъ былъ штабсъ-капитанъ Александръ Самойловичъ Фигнеръ. Онъ до такой степени ненавидѣлъ Наполеона, что въ борьбѣ съ нимъ заранѣе обрекъ себя на смерть. Когда французы вступили въ Москву, Фигнеръ, съ разрѣшенія Кутузова, отправился въ столицу и, вооруживъ нѣсколькихъ жителей, на свой рискъ началъ отчаянную партизанскую войну. Дѣйствуя необычайно умно и предусмотрительно, онъ дѣлалъ незамѣтныя засады на улицахъ, истреблялъ ночью французовъ, а самъ, переодѣтый то во фракъ, то купцомъ, спокойно бродилъ по Москвѣ, смѣло входилъ въ отряды французскихъ войскъ и вывѣдывалъ все, что ему нужно было. Изъ охотниковъ и отсталыхъ солдатъ онъ составилъ свой партизанскій отрядъ. Вооруженный чѣмъ попало, на простыхъ крестьянскихъ лошадяхъ, отрядъ этотъ днемъ прятался въ лѣсу, а ночью дѣйствовалъ. Фигнеръ переодѣвался польскимъ или итальянскимъ офицеромъ и днемъ преспокойно разъѣзжалъ трубачемъ по крайней линіи непріятельскихъ форпостовъ, высматривая расположеніе враговъ... Наступала ночь, и неожиданно налетали на форпосты партизаны. Каждый день Фигнеръ отправлялъ въ главную квартиру плѣнныхъ французовъ. Однажды ему удалось захватить на можайской дорогѣ шесть орудій съ прислугой и обозъ. Смѣлыми набѣгами онъ навелъ такой страхъ на французовъ, что Наполеонъ оцѣнилъ его голову... Фигнеръ перехватывалъ наполеоновскихъ курьеровъ, сжигалъ обозы непріятеля, производилъ ложную тревогу, являлся тамъ, гдѣ его

не ждали. Нѣсколько разъ французы окружали отрядъ Фигнера, но ночью онъ исчезалъ непонятнымъ образомъ. Французы думали, что онъ убитъ, но не отысканъ между трупами или умираетъ гдѣ-нибудь отъ ранъ, а онъ снова появлялся въ другихъ мѣстахъ.

При отступленіи французовъ изъ Москвы, Фигнеръ вмѣстѣ съ Сеславинымъ отбили цѣлый транспортъ съ драгоцѣнностями, награбленными въ Москвѣ. Императоръ Александръ произвелъ Фигнера въ подполковники и перевелъ въ гвардейскую артиллерію.

Но не столько партизаны безпокоили Наполеона, сколько грозное молчаніе императора Александра. Прошло около двухъ недѣль съ того дня, какъ онъ отправилъ первое письмо государю и не только не имѣлъ отъ него отвѣта, но даже обыкновеннаго извѣщенія о полученіи письма. Это сильно тяготило Наполеона. Приближалась зима и голодъ. Русская армія не была разбита. Наполеонъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о ея положеніи.

22 сентября Кутузовъ получилъ формальное предложеніе о мирѣ. Но въ отвѣтъ сказалъ, что ему запрещено даже произносить слово „миръ,“—и что война теперь только начинается.

Русскія войска стали дѣйствовать увѣреннѣе. Чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, Кутузовъ, отступая по рязанской дорогѣ, сдѣлалъ видъ, какъ будто онъ идетъ на Коломну. Введенный этимъ въ заблужденіе, Наполеонъ потерялъ изъ виду на нѣкоторое время (до 14 сентября) русскія войска.

Во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ стояла теплая осень. Но къ концу сентября начались по ночамъ чувствительные заморозки, дававшіе себя знать французамъ, непривыкшимъ къ холоду. Подули осенніе холодные вѣтры континентальнаго климата, выпалъ мелкій холодный снѣгъ, предвѣстникъ непогодъ... А отъ императора Александра все отвѣта не было...

Наполеонъ впалъ въ бездѣйствіе. Это съ нимъ случалось неоднократно въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни. Лишь 5 октября онъ предпринимаетъ нѣкоторыя распоряженія хозяйственнаго характера. Велѣлъ выслать раненыхъ и выздоравливавшихъ по дорогѣ въ Смоленскъ. Туда же направилъ значительные обозы съ военной добычей, названные трофеями. Они состояли изъ уцѣлѣвшихъ отъ пожара турецкихъ и польскихъ знаменъ, старинныхъ доспѣховъ, награбленнаго въ церквахъ богатства и проч. 17 пудовъ золота и 365 пудовъ серебра было приготовлено въ слиткахъ для отправки во Францію. Туда же предположено было отправить гербъ Москвы, снятый съ зданія Сената. Однако трофеи не вышли изъ Россіи. Всѣ они были потоплены, по приказанію Наполеона, при отступленіи, а частью отбиты нашими казаками.

Стянувъ къ самой Москвѣ свои корпуса, Наполеонъ чаще прежняго дѣлаетъ имъ смотры, находя хоть въ этомъ нѣкоторое удовлетвореніе своему военному честолюбію. Но его раздражаютъ укоротившіеся ряды войскъ, и онъ приказываетъ строить людей не въ три, а въ двѣ шеренги.

Во время смотра, 6 октября прошелъ слухъ, что по направленію авангарда слышна гдѣ то далекая канонада Никто не рѣшился сначала обратить на это вниманіе Наполеона. Когда ему наконецъ доложили, онъ сильно измѣнился въ лицѣ. Это была побѣда русскихъ подъ Тарутинымъ. Французскаго авангарда болѣе не существовало. Тарутинское дѣло было крупнымъ успѣхомъ русскихъ войскъ, давшимъ рѣшительный поворотъ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ.

При извѣстіи о пораженіи Наполеонъ почувствовалъ притокъ энергіи. Опять появилась масса всевозможныхъ приказовъ. Къ вечеру 6 октября вся армія уже пришла въ движеніе. Раннимъ утромъ 7 октября Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы, рѣшительно заявляя, что движется на Калугу, и горе тому, кто вздумаетъ преградить ему дорогу.

За нѣсколько дней передъ выступленіемъ изъ Москвы, Наполеономъ данъ былъ замѣчательный приказъ, безпримѣрный въ военной исторіи, продиктованный, конечно, его сильнымъ раздраженіемъ. Каждому корпусному командиру повелѣвалось представить вѣдомость съ указаніемъ количества раненыхъ, которые могутъ выздоровѣть въ одну недѣлю, черезъ двѣ недѣли и черезъ мѣсяцъ, а равно и о числѣ тѣхъ, которые должны умереть черезъ двѣ недѣли и черезъ недѣлю, наконецъ, о солдатахъ, способныхъ нести оружіе и сражаться. При этомъ повелѣвалось заботиться только о тѣхъ раненыхъ, которые могутъ выздоровѣть въ недѣлю, а остальныхъ предоставить ихъ судьбѣ.

10 октября изъ Москвы выходили послѣднiе войска Мортье. Бочки съ порохомъ были положены во всѣхъ покояхъ кремлевскаго дворца и 123,000 килограммовъ (до 7,000 пудовъ)—подъ его нижними сводами. Въ ночь на 11 октября Мортье выполнилъ приказанiе, данное ему Наполеономъ, — взорвать Кремль. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго раздался взрывъ, отъ силы котораго небо озарилось багровымъ свѣтомъ. Часть стѣнъ Кремля взлетѣла на воздухъ. Горѣлъ дворецъ. Наполеонъ слышалъ этотъ взрывъ за 80 верстъ отъ Москвы (подъ Фоминскомъ). Французы мстили за негостепрiимство Москвы. Это были погребальные факелы Наполеона.

Въ гнѣвныхъ выраженiяхъ Наполеонъ заявилъ Европѣ, что оставляетъ Москву, эту помойную яму, въ добычу русскимъ нищимъ и ворамъ, а самъ идетъ на зимнiя квартиры и по дорогѣ разобьетъ Кутузова. Чтобы не подумали, что онъ отступаетъ, Наполеонъ оправдывалъ свое обратное движенiе желанiемъ приблизиться къ Вильнѣ - къ своимъ запасамъ. Распущены были и другого рода слухи, — что Наполеонъ хотѣлъ пробиться черезъ нашу армiю, пройти Оку и двинуться дальше, черезъ Малороссiю, въ подольскую или волынскую губернiю. Но эти слухи, равно какъ и многiе другiе въ этомъ родѣ, были вызываемы военной хитростью, желанiемъ сбить планы русскихъ и усыпить ихъ бдительность. Но трудно было, конечно, превратить отступленiе въ наступленiе.

Французская армiя сильно растянулась по старой калужской дорогѣ. У Наполеона было около ста

тысячъ человѣкъ, 550 пушекъ, 2000 артиллерійскихъ повозокъ и 52,000 лошадей. Это была все еще внушительная армія. Но она не имѣла прежняго боевого вида. Кутузовъ былъ правъ, предполагая, что армія растаетъ въ Москвѣ. Движеніе французовъ напоминало теперь татарскую нестройную орду, возвращавшуюся съ удачнаго набѣга. „Можно было подумать,—говорилъ очевидецъ,—что это какой-то караванъ кочующаго народа на подобіе одной изъ древнихъ армій, возвращавшейся послѣ грабежа, съ рабынями и всякимъ добромъ“.

Такимъ образомъ, пятинедѣльная стоянка французовъ въ Москвѣ довершила безпорядки и неустройство наполеоновской арміи...

VI.

Выходъ французовъ изъ Россіи.

11-го октября французы заняли Малый Ярославецъ. Къ этому же городу поспѣшили русскіе изъ Тарутина, и на слѣдующій день начался бой, во время котораго Малый Ярославецъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, послѣ 18-часоваго боя, не обратился въ груды пепла. Имъ овладѣли французы. Ожидалось генеральное сраженіе. Но обѣ арміи въ одно и то же время опять отступили въ двѣ противоположныя стороны. Кутузовъ, отступая на югъ, давалъ возможность Наполеону двигаться къ Боровскому, по странѣ еще не опустошенной и спокойно выйти на

Смоленскую дорогу. Впрочемъ, русскіе скоро настигли его на этой дорогѣ и успѣшно преслѣдовали съ тыла и съ боковъ.

Между тѣмъ холодъ въ послѣднихъ числахъ октября давалъ себя чувствовать. Ранніе морозы съ каждымъ днемъ становились чувствительнѣе. Ночлеги на бивуакахъ стали нестерпимы для французовъ. Взятые ими въ Москвѣ запасы скоро были уничтожены. Къ Вязьмѣ армія дошла въ очень жалкомъ состояніи. Подъ Вязьмой 22 октября французамъ былъ нанесенъ новый ударъ генераломъ Милорадовичемъ. Казакъ Платовъ разбилъ затѣмъ значительную часть войска близъ Духовщины (на рѣкѣ Вопи).

Русскіе могли бы, при такихъ обстоятельствахъ, быть рѣшительнѣе, но осторожный Кутузовъ не хотѣлъ рисковать. Слишкомъ обаятельно было въ это время военное величіе Наполеона.

Вмѣсто Кутузова дѣйствовалъ холодъ и голодъ. Морозы особенно начали свирѣпствовать съ перваго ноября. Мѣста ночлега арміи обозначались трупами, какъ на полѣ сраженія. Въ каждую ночь замерзало до 300 человѣкъ.

Вмѣстѣ съ партизанскою, шла также и народная война. Сычевскій уѣздъ, Смоленской губерніи, гдѣ предводителемъ народныхъ отрядовъ былъ маіоръ Емельяновъ, особенно прославился истребленіемъ непріятеля. Смоленскіе помѣщики Энгельгардъ и Шубинъ поплатились жизнью за участіе въ народной войнѣ. Въ Гжатскомъ уѣздѣ вооруженными крестьянами предводительствовалъ гусаръ Самусь. Крестьяне

села Павлова въ Охненской волости дѣйствовали противъ французовъ на Клязьмѣ, подъ предводительствомъ своего же крестьянина Курина.

Крестьяне ведутъ плѣнныхъ французовъ.

Не имѣя ни хлѣба ни мяса, французы стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ, павшихъ лошадей, вслѣдствіе чего среди нихъ появилось много болѣзней. Вслѣдствіе недостатка дровъ, они не могли въ холодныя сырыя ночи разводить огня. Болѣзни отъ этого усилились.

Тяжелое впечатлѣніе производилъ видъ многихъ солдатскихъ женъ, слѣдовавшихъ за арміей, несмотря на запрещеніе. Несчастныя, полуокостенѣлыя отъ холода,—какъ разсказывалъ очевидецъ,—„лежатъ на соломѣ и стараются согрѣть своимъ дыханіемъ

и слезами маленькихъ дѣтей своихъ и тутъ же въ объятіяхъ ихъ умираютъ отъ голода и стужи".

Между тѣмъ къ русскому войску съ разныхъ сторонъ подходили обозы. Вслѣдствіе огромныхъ пожертвованій, доставленныхъ жителями подмосковныхъ и южныхъ губерній, солдаты почти ежедневно имѣли мясо и вино. Съ каждымъ днемъ русская армія усиливалась, а непріятельская ослабѣвала.

Къ Смоленску Наполеонъ подошелъ 29 октября. Здѣсь имъ были получены непріятныя для него новости объ обходномъ движеніи Кутузова слѣва, взятіи обратно русскими Витебска и о движеніи Чичагова на Минскъ. Въ Смоленскѣ при такихъ обстоятельствахъ оставаться было невозможно.

При выходѣ французовъ изъ Смоленска не хватило лошадей. Поэтому значительная часть артиллерійскихъ снарядовъ и множество другихъ военныхъ запасовъ было уничтожено. Пять тысячъ больныхъ и раненыхъ остались на мѣстѣ. Съ большимъ трудомъ несчастные выпросили, чтобы имъ было оставлено нѣсколько кулей муки. Лѣчить ихъ было некому, такъ какъ доктора и госпитальные служителя разбѣжались. Наличное количество артиллерійскихъ лошадей едва было въ состояніи сдѣлать шесть дней пути.

Оставляя Смоленскъ, Наполеонъ распорядился взорвать крѣпостныя башни, подъ которыя были подведены мины. Взорвать удалось однако только восемь, такъ какъ подоспѣли русскія войска, помѣшавшія осуществленію намѣренія непріятеля.

По выходѣ Наполеона изъ Смоленска, городъ представлялъ ужасную картину. Уборка и очистка города продолжалась болѣе трехъ мѣсяцевъ.

4-го ноября происходило сраженіе подъ Краснымъ. Французы потеряли здѣсь 6,000 плѣнными, 45 орудій, 2 знамени, маршальскій жезлъ Даву и часть наполеоновской канцеляріи. Наши потери доходили до 700 человѣкъ. . . . .

Наполеонъ двигался въ каретѣ, наполненной мѣхами, одѣтый въ соболью шубу, шапку и теплые сапоги Онъ и Мюратъ подвергались оскорбленію со стороны озлобленныхъ солдатъ. Это заставило ихъ ѣхать въ закрытомъ экипажѣ и не видѣть сценъ отчаянія и голода. Послѣ Смоленска Наполеонъ вынужденъ былъ итти пѣшкомъ и въ продолженіе дороги могъ убѣдиться, въ какомъ положеніи была его великая армія.

Однажды по дорогѣ Наполеонъ приказалъ срѣзать молодую березку и, опираясь на нее, шелъ впереди войска. . . . .

— „О, Боже, — воскликнулъ одинъ изъ его адъютантовъ,— нашъ король идетъ съ бѣлымъ посохомъ!“

— „Да, господа, такъ проходитъ человѣческое величіе“,—сказалъ Наполеонъ съ разгнѣваннымъ лицомъ и шелъ, не проронивъ болѣе ни одного слова въ теченіе трехъ часовъ. Современники говорятъ, что онъ сильно упалъ духомъ и на бумагахъ подписывался „помпонъ“, а вмѣсто Калуга диктовалъ иногда Калигула.

Императоръ Александръ приказалъ Кутузову совокупными усиліями всѣхъ нашихъ армій запереть

Переправа французовъ чрезъ Березину.

Наполеону выходъ изъ Россіи. Къ этому сводился планъ кампаніи. Чтобы перехватить Наполеона у Березины, къ этой рѣкѣ шло двѣ русскихъ арміи: съ юга—подъ начальствомъ адмирала Чичагова (такъ называемая дунайская армія, дѣйствовавшая въ турецкую войну), и сѣверная, подъ начальствомъ графа Витгенштейна, преграждавшаго дорогу французамъ къ Петербургу. Съ оставленіемъ непріятелемъ Москвы, онъ двинулся къ западу и въ октябрѣ мѣсяцѣ успѣлъ вытѣснить французовъ изъ Полоцка.

Но Чичаговъ опоздалъ... И это дало возможность Наполеону благополучно переправиться черезъ Березину.

— „Ну, теперь мы увидимъ Парижъ!“ сказалъ Наполеонъ, очутившись на другомъ берегу Березины.

24 ноября Наполеонъ прибылъ въ Вильну, но не поѣхалъ черезъ городъ, а остановился на нѣкоторое время въ предмѣстьи. Отсюда онъ продолжалъ путь на Ковну.

28 ноября изъ Вильны выступили послѣднія непріятельскія войска.

Французы оставили въ Вильнѣ 140 орудій и обширные склады. По выходѣ непріятеля изъ Вильны, ее сейчасъ же заняли казаки Платова.

Черезъ нѣсколько дней сюда прибылъ и Кутузовъ, не думавшій преслѣдовать непріятеля. 10 декабря пріѣхалъ въ Вильну императоръ Александръ.

Въ Ошмянахъ былъ разсѣянъ аріергардъ корпуса Виртера до послѣдняго человѣка.

Морозы доходили между тѣмъ до 30 градусовъ. О томъ, сколько гибло людей, можетъ свидѣтель-

Французы въ Вильнѣ (на театральной площади).

ствовать хотя бы фактъ, что виленскій губернаторъ предалъ землѣ 25,000 труповъ солдатъ, умершихъ на улицахъ Вильны и въ его окрестностяхъ.

Армія Кутузова тоже понесла огромныя жертвы. Она выступила изъ Тарутина въ составѣ 97,112 чел., а прибыла въ Вильну, имѣя въ своихъ рядахъ 17,464 чел. Изъ 600 орудій на лицо находилось только 200.

12 декабря, въ день своего рожденія, государь обнялъ во дворцѣ Кутузова и сказалъ ему: „Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу".

Во время обѣда, когда пили здоровье государя при громѣ пушекъ, Кутузовъ сказалъ императору, что артиллеристы стрѣляютъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ Александръ посѣтилъ балъ у главнокомандующаго, который передъ тѣмъ получилъ отъ Платова отбитые донцами знамена и повергъ ихъ къ стопамъ монарха, при входѣ его въ бальную залу.

Въ день Рождества Христова, 25 декабря 1812 г. высочайшимъ манифестомъ было возвѣщено Россіи о благополучномъ окончаніи Отечественной войны. Особымъ манифестомъ императоръ высказалъ намѣреніе соорудить храмъ въ Москвѣ во имя Спасителя, въ память Отечественной войны. Храмъ этотъ представляетъ одно изъ грандіознѣйшихъ и замѣчательныхъ по своей красотѣ сооруженій не только Москвы, но и Россіи.

Цѣна 10 коп.

Складъ изданія въ Русской Книжной Торговлѣ

А. Г. СЫРКИНА, въ Вильнѣ.